

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОРМИРОВАНИЯ И СОСЛОВНОМ СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В XVIII в.*

Аннотация. В первой четверти XVIII века произошли коренные изменения в структуре и социальном положении российского дворянства. Оно представляло собой уже иную социальную категорию, нежели сословие служилых людей по отечеству в веке семнадцатом.

Изучение источников формирования, сословного состава и изменения численности российского дворянства позволяет полнее осветить входящие условия социальной политики государственной власти.

К середине XVIII столетия в России также существовала сословная группа однодворцев, статус которой оставался неопределённым вплоть до времени правления Екатерины II. В источниках содержатся противоречивые трактовки происхождения и социального положения данной группы.

Дворянство вобрало в себя как исконную столбовую и титулованную знать, так и внешние, подчас искусственные вливания и находилось только на пути к окончательной сословной консолидации.

Ключевые слова: дворянство, социальная политика, сословие, однодворцы, иностранцы, служилые люди.

T. Bogdanova

RUSSIAN STATE SOCIAL UNIVERSITY
(Moscow)

TOWARDS THE SOURCES OF FORMATION AND BIRTH STATUS OF RUSSIAN NOBILITY IN THE XVIII-TH CENTURY

Abstract. In the first quarter of XVIII century radical changes took place in the social status of Russian nobility. It represented itself another social category than social class of people in the 17th century.

The investigation of the sources of formation, the class compound and the change of numeration of Russian nobility allows to light the terms of social politics of governmental authorities.

By the middle of the XVIII-th century there was another class group of smallholders whose

status left to be uncertain till the time of Ekaterina II. Contradictory interpretations of origin and social status of the group are given in objective accounts.

Nobility included not only original hereditary nobility and titled one but sometimes external even artificial characteristics so it was on the way to a complete class consolidation.

Key words: nobility, social politics, class, smallholders, foreigners, people on the service.

В первой четверти XVIII в. произошли коренные изменения в структуре и социальном положении российского дворянства. Произошло юридическое слияние боярской аристократии и обширной сословной группы собственно дворян («детей боярских») вследствие принятия Указа о единонаследии (1714) [15]. Резко усилился приток во дворянство выходцев из низших сословных групп благодаря нормам Табели о рангах, численность русского дворянства значительно возросла и из-за перехода в российское подданство иностранцев. Многочисленные петровские новации, связанные с упорядочиванием обязанностей знати по государственной службе, наследственным правом, отношениями с крепостным крестьянством также существенно повлияли на социальное и хозяйственное положение дворянства к концу петровского правления. В целом можно утверждать, что дворянство XVIII в. представляло собой уже иную социальную категорию, нежели сословие служилых людей по отечеству в веке семнадцатом. Изучение источников формирования, сословного состава и изменения численности российского дворянства позволяет полнее осветить входящие условия социальной политики государственной власти. Необходимо выяснить, как выглядела внутрисословная социальная стратификация дворянства в эпоху дворцовых переворотов, представители каких сословных групп допетровской России в конечном итоге вливались в состав аристократии Российской империи, как и по каким

* © Богданова Т.В.

причинам менялась доля дворян по отношению к численности всего российского населения.

В течение первых двух третей XVIII в. российское дворянство находилось в состоянии трансформации: из военно-феодальной сословной группы оно превращалось в аристократическое землевладельческое сословие. Помимо потомков служилых людей по отечеству Московского государства и боярских фамилий, в изучаемый период в состав российского дворянства вливались выходцы из других российских сословных групп и иностранцы. Изменения в социальном положении дворянства коснулись, прежде всего, юридического статуса. *Камералистский*¹ подход Петра I к вопросам государственного строительства неизбежно отразился и на социальной политике. В допетровскую эпоху не существовало юридически очерченных чётких границ, например, между боярством и дворянством. В течение XVI и XVII вв. мы видим немало примеров, когда бесспорно дворянские фамилии из-за заслуг отдельных своих представителей, родства с правящей династией поднимались до боярства (например, Глинские, Нагие, Бельские и т.д.) или же ветви одного и того же генеалогического древа оказывались в разных категориях: Сабуровы – бояре, а Годуновы – дворяне, обе фамилии являлись ответвлениями одного рода (родоначальник – ордынский выходец Чет-мурза)². Статус земельных владений так же далеко не всегда оказывался здесь определяющим. Часто одно и то же лицо одновременно владело и родовыми вотчинами, и пожалованными поместьями. Таким образом, главным критерием отнесения конкретного человека (семьи) к боярству или дворянству было не только происхождение, но и положение при дворе, служебное звание, которое по своему значению приближалось к титулу в западном понимании (могло передаваться по наследству). На рубеже XVII- XVIII вв. социальное самосознание и юридический статус русской знати вступали в резкое противодействие с политической действительностью. Местническая система с её конкретизацией индивидуального служебного статуса была крайне неудобна для абсолютистской модели государства. Несмотря на официальную отмену местничества в 1682 г. (правительством Фёдора Алексеевича), сословная и служебная психология русской аристократии во многом ещё была привязана к укоренившимся местническим

традициям.

Это обстоятельство и стало главной предпосылкой Указа о шляхетском единонаследии 1714 г.

Самой многочисленной составляющей российского дворянства к середине XVIII в. были потомки так называемого столбового дворянства – фамилий, известных ещё по родословным книгам (столбцам) периода Московского царства. Представители данной категории московской знати находились на придворной, военной и гражданской службе. Они являлись, во-первых, наследственно-служилыми людьми, занесенными в Разрядные книги XVII века и Бархатную книгу 1687 г.³, и, во-вторых, землевладельцами. Именно они назывались детьми боярскими или служилыми людьми по отечеству в XVII в., и их потомство век спустя наполнило офицерский корпус и отчасти бюрократический столичный аппарат. Численность столбового дворянства к началу царствования Анны Иоанновны составляла примерно 80 тыс. семей (в нуклеарном смысле), т.е. от 320 до 340 тыс. человек вместе с женщинами и детьми [10]. К концу правления Елизаветы Петровны, т.е. за одно поколение, эта цифра сильно не увеличилась и была близка к 360 тыс. человек. Таким образом, эта категория составляла около 70% от всего дворянского корпуса, подавляющее большинство [16]. Их социальные и гражданские ожидания задавали тон в политической жизни страны, определяли направление корпоративных (общедворянских) требований, проявившихся впоследствии в наказах депутатам Уложенной комиссии 1767-1768 гг. от дворян [11, 259; 1, 96].

Второй по значимости (но отнюдь не по численности) категорией выступало потомство родовитых боярских семей и примыкавшее к ним по своему общественному положению титулованное дворянство. Не располагая какими-либо юридически обозначенными преимуществами по службе перед остальным дворянством, данная категория оказывалась в выигрышном положении в силу традиции и, очень часто, имущественного превосходства. Понятие «обедневший княжеский род» было расхожим для XIX, но не для XVIII в. Таковых семейств на всю Россию насчитывалось не более 1,5 тысяч (при этом титулованных родов было менее двухсот). С точки зрения сословного самосознания и основных политических устремлений они практически не отделялись

от главной дворянской массы.

Иностранцы, принявшие российское подданство и причисленные к дворянству, представляли собой чрезвычайно пёструю массу, которую можно условно разбить на три основные группы. К первой относились помещики прибалтийских провинций Лифляндии и Эстляндии, присоединённых по итогам Северной войны, так называемые остзейские немцы. Остзейцы уже с Петровского времени формально иностранцами не были, считались российскими подданными по рождению и месту проживания. Но по воспитанию и психологии, вероисповеданию они, безусловно, были немцы, и таковыми воспринимались русскими дворянами. Если приезжая знать зачастую принимала православие, охотно вступала в семейно-брачные отношения с русским дворянством, то остзейские помещики держались особняком, ревностно сохраняли приверженность лютеранству (причём не только свою, но и своих латышских и эстонских крепостных крестьян)⁴, редко вступали в брак с русскими. Более того, остзейцы без труда объединялись в «землячества» по месту службы с выходцами из собственно германских государств, помогали им в продвижении по службе. Прибалтийских дворян-немцев насчитывалось к началу 1730-х гг. 25-27 тыс. человек [20, 108], т.е. не более 5% от общей дворянской массы. При этом положение остзейской партии при дворе было неизменно прочным на протяжении всех правлений XVIII в., слегка будучи поколебленным лишь в начале царствования Елизаветы Петровны. Три фактора делали эту аристократическую диаспору чрезвычайно влиятельной во внутрироссийской политической жизни 1730-1750-х гг.:

а) привилегированное положение по сравнению с собственно русскими дворянами (необязательность службы, подсудность только коронному суду, монопольное право аренды государственных земель в Лифляндии и Эстляндии – эти привилегии были подтверждены или дарованы ещё самим Петром I в ходе Северной войны) [21, 336];

б) беспрецедентное упрочение их положения при дворе, в гвардии и армии во времена бироновщины. Это прочное положение сохраняется и в дальнейшем, в частности в правление Елизаветы Петровны, несмотря на патриотические лозунги и декларирование в момент переворота 25 ноября 1741 г. желания новой императрицы очистить Россию от засилья иностранцев. Разумеется,

российский абсолютизм XVIII в., будучи по своей природе вполне космополитичным и вненациональным, не мог обойтись без услуг остзейцев. Нельзя забывать, что прибалтийские земли вошли в состав Российского государства в немалой степени именно благодаря пророссийской лояльности прибалтийского дворянства. Российские монархи ценили деловые качества, образованность и преданность остзейцев, что делало их придворную партию совершенно «непотопляемой» при любом правителе. Широко известны и сплочённость, взаимовыручка остзейцев, их приверженность своей диаспоре, что дополнительно усиливало данную группу внутри политически рыхлого и малодейственного русского дворянского большинства;

с) наконец, объективно остзейское дворянство было весьма влиятельно, поскольку прибалтийское помещичье хозяйство в целом было эффективнее и стабильнее великороссийского. Например, в 1760-е гг. среднеарифметический ежегодный доход лифляндского поместья составлял 860 рублей, а великороссийского – всего 540 рублей [23]. Т.е., как правило, типичный остзеец был состоятельнее типичного русского помещика (естественно, без учёта богатейших придворных магнатов – Шуваловых, Воронцовых, Разумовских и проч.)

Вторую группу дворян-иностранцев составляли приехавшие в Россию и поступившие на службу в первом поколении. Их численность постоянно менялась, причём в течение XVIII в. очевидна тенденция к уменьшению. Если при Анне Иоанновне таковых была примерно четверть от всего офицерского состава гвардии и армии, то уже в правление Екатерины II эта группа составляла не более 15% от всего офицерского корпуса (не считая россиян иностранного происхождения и остзейцев) [18], причём теперь эти иностранцы часто уезжали из страны на родину, отслужив в России определённый срок. Разумеется, национальный состав этой группы был чрезвычайно пёстрым, но следовало бы выделить категорию православных иностранцев: сербы, греки, молдаване, грузины (до вхождения в состав Российской империи Молдавии и Грузии). Представители знати этих народов были затронуты волной массовой иммиграции в Россию вследствие активной российской внешней политики в XVIII в. в Причерноморском регионе и на Балканах и чаще всего покидали историческую родину, чтобы

избежать преследований со стороны османских властей. Они сравнительно быстрее ассимилировались, органичнее вливались в основной дворянский корпус, основывали собственные, уже российские дворянские фамилии (Змаевичи, Милютины, Депредродовичи, Кантемиры, Багратионы и многие другие). Остальные иностранцы, если не покидали Россию в первом поколении, тоже обычно смешивались с русскими, утрачивая нероссийскую самоидентификацию, и, за исключением немцев, не образовывали этнических диаспор. Как было отмечено выше, приезжие чаще, чем остзейцы, вступали в браки с русскими дворянами. Например, из известных нам 352 иностранцев, состоявших на службе в гвардии в 1741-1761 гг. и имевших чин не ниже 9 ранга, 29 человек (более 8%) состояли в смешанных браках с русскими женщинами [8, 1-154]. Доля русских офицеров и чиновников, взявших в жёны иностранок в изучаемый период, к сожалению, учёту не поддаётся, однако по мемуарным упоминаниям известно не менее 20 подобных случаев [5; 7; 14].

К третьей группе дворян-иностранцев мы относим родившихся в России от родителей-иммигрантов. Среди них были как потомки представителей знати европейских стран, приехавших на службу в Россию, так и дети безродных иностранцев, получивших дворянский титул за службу уже здесь, от российских правителей. К 1762 г. какие-либо статистические данные по этой категории привести не представляется возможным, но к 1796 г. более 3, 2 тыс. российских дворянских фамилий были иностранного происхождения (не из Прибалтики) [6], т.е. их количество даже превышало титулованное русское дворянство. В целом к 1762 г. доля иностранцев всех категорий на российской службе была выше всего в военно-морском флоте – 46% от всего среднего и высшего командного состава; затем следовали гвардия – 34,5%, императорский двор – около 32%, армейское офицерство – 26,7%, меньше всего иностранцев было на гражданской службе – 18,5% [3, 46].

К середине XVIII столетия в России также существовала сословная группа однодворцев, статус которой оставался неопределённым вплоть до времени правления Екатерины II. В источниках содержатся противоречивые трактовки происхождения и социального положения данной группы. Так, в документах Разрядного приказа 1670-1680-х гг. они

неоднократно именуются служилыми людьми по отчеству, упоминаются параллельно со стрельцами, служилыми казаками, т.е. служилыми по прибору, но совершенно определённо отделяются от «детей боярских». Подобная специфика поставила исследователей социального развития XVIII в. в сложное положение. Формально однодворцев можно было бы считать дворянской сословной группой, важным отличием от «детей боярских» был размер пожалованной земли («один двор») и отсутствие крепостных крестьян в их распоряжении. Однако уже в правление Петра I различий стало намного больше: однодворцы были обложены подушной податью и рекрутской повинностью, в то же время освобождены от обязательной государственной пожизненной службы, в отличие от собственно дворян. Тем не менее, ещё в царствование Анны Иоанновны правительство отчасти приравнивало однодворцев к дворянам, в частности, их охотно брали в гвардию, однодворцев мы встречаем в списках обучающихся в Морской академии и других чисто дворянских учебных заведениях.

В знаменитых записках Христофора Манштейна встречаем следующее примечательное упоминание: «...Линии (левобережная Украина) охраняются 20 000 драгун из милиции, размещённых по крепостям и по сёлам, нарочно для них выстроенным. В мирное время они получают на одну треть менее обыкновенного войскового жалованья, а взамен им розданы участки пахотной земли, которую они обрабатывают. Это войско набрано из 200 000 бедных *дворянских* (выделено мной. – Т.Б.) семейств в областях Курской и Рылской, так называемых однодворцев, т.е. владельцев одного только двора, которые сами пахут свою землю. Эти же семейства обязаны ежегодно высылать на линию из своей среды известное число работников в помощь войску при земледельческих работах. ...Это превосходнейшее войско в России. Из этого войска выбраны были при императрице Анне люди как для Измайловского гвардейского полка, так и для Кирасирского графа Миниха» [12, 64-65]. Исследователь XIX в. М. Яблочков, руководствуясь данными полученными при исследовании законодательства 1680-1700-х гг., делает однозначный вывод о недворянском происхождении однодворчества и, опираясь на указы Петра в 1701-1706 гг., уверенно разводит дворян и однодворцев в принципиально разные сословия уже в первые годы Северной вой-

ны: «Удобным местом для укрывательства дворян от службы представлялось сословие однодворцев. Это были “прежних служеб служилые люди”, потомки прежних драгун, пушкарей, рейтаров, копейщиков, которых поселили на Украинской линии, дали им земли и дворы и, вместо всех других повинностей, обязывали служить в особых полках и защищать Украинскую линию от набегов неприятелей; но Пётр Великий вместо натуральной повинности обложил их денежною в таком же размере, как других крестьян, и отменил обязанность их служить. Дворяне при первой ревизии в 1719 г. спешили записаться в подушный оклад, в однодворцы; другие дворяне попали в однодворцы при той же первой ревизии по ошибке, по невниманию опекунов и другими способами; туда же попали многие кадеты дворянских семейств; таким образом, однодворцы, не быв никогда дворянами как однодворцы, имели в своих рядах дворян, попавших туда по укрывательству от службы, по ошибке и другими способами...» [22, 372-373].

В советской историографии господствовало мнение, что однодворческое сословие в XVIII в. являло собой пережиток эпохи засечных черт, времени борьбы с крымской угрозой XVI-XVII вв. Поскольку дворянская помещная конница не была достаточно многочисленной для стабильного обеспечения безопасности на южных рубежах, царское правительство нуждалось в массовом войске, постоянно находящемся в районе засечных черт. Основу такого войска и составили однодворцы, им не полагались поместья, эти воины обеспечивали себя своим собственным трудом. Главной причиной растворения данной сословной группы стало введение рекрутских наборов. Наконец, после наступательных кампаний 1737-1739 гг. и, особенно, победоносной Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. угроза со стороны Крыма была снята, и однодворчество окончательно утратило своё оборонительное значение. В отличие от казачества, однодворцы проживали среди массы крестьянского населения, практически в центре страны, и потому не эволюционировали в полупривилегированное военное сословие. Самодержавие теперь нуждалось не в воинах-земледельцах, а в увеличении сборов подушной подати [4; 9; 17].

Современная историческая наука признаёт возможные альтернативы в эволюции однодворчества в XVIII в. В частности, считается доказанным тезис о вливании неболь-

шой части (не более 2%) однодворческих семей в состав дворянского сословия к середине столетия. Помимо субъективных обстоятельств, например, деятельности Бирона по ослаблению дворянской гвардейской корпорации, этому способствовала и насущная потребность самодержавия в пополнении дворянского корпуса деятельными свежими силами [2; 13]. Таким образом, приходится принять вывод современной историографии, что лишь незначительная доля однодворцев приняла участие в складывании господствующего сословия Российской империи, основная же их масса не имела шансов приобрести дворянское достоинство и впоследствии слилась с государственными крестьянами Черноземья и Восточной Украины.

XVIII в. породил ещё одну весьма многочисленную категорию шляхетства – лиц недворянского происхождения, приобретших титул потомственных дворян благодаря государственной службе. Как известно, такая возможность предоставлялась Табелью о рангах – дворянином становился чиновник, достигший по служебной лестнице 8-го класса (коллежский асессор), и военная служба по получении первого обер-офицерского звания (прапорщик – в инфантерии и артиллерии, корнет – в кавалерии). Приток выслужившихся дворян к середине столетия был ощутимым, так в исследовании Е.В. Анисимова «Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра» приводятся данные о том, что среди лейб-кампанцев, участвовавших в перевороте 25 ноября 1741 г. прирождённых шляхтичей было менее 40% [1], остальных можно смело назвать разночинцами, а ведь именно гвардейские полки были своеобразной кузницей офицерских кадров для русской армии в тот период. Однако источники единогласны в том, что данная категория дворянства никогда не складывалась в какую-либо устойчивую группу внутри аристократического сословия со своей особой социальной психологией, сословным самосознанием и проч. Наоборот, выслужившиеся в дворяне офицеры и чиновники стремились как можно скорее слиться с основной шляхетской массой, и им это удавалось, поскольку в большинстве случаев это были действительно достойные люди. Приток в дворянство выходцев из низших сословий стал восприниматься самодержавием как определённая угроза целостности и устойчивости аристократии гораздо позже, во второй четверти XIX в.

Итак, дворянство эпохи дворцовых переворотов вобрало в себя как исконную столбовую и титулованную знать, так и внешние, подчас искусственные вливания и находилось только на пути к окончательной сословной консолидации. Тем не менее, осознанность социальных и гражданских требований дворянства в 1730 г., общность социальной позиции и довольно рано проявившийся сословный эгоизм, свидетельствовали о неизбежности союза между дворянством и абсолютизмом. Закономерной представляется и связь между исключительными привилегиями шляхетства и его сравнительно ничтожной малой долей среди населения Российской империи: с 1725 по 1762 г. удельный вес дворян в российском обществе несущественно увеличился – с 1,7% до 2,1%, и позже практически уже не менялся [19].

В данной статье у нас нет возможности охватить все социальные процессы, протекавшие в российском аристократическом сословии. В частности, за рамками работы остались такие интереснейшие вопросы как возникновение и статус личного дворянства, а также так называемых выслужившихся дворян.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Камерализм – представление об управлении государством, господствовавшее в XVII-XVIII вв. и предполагающее проникновение государства во все сферы общественной и личной жизни, построение бюрократической машины, четко и функционально работающей.
- ² Из рода Сабуровых, например, происходила первая жена великого князя Василия III, знаменитая Соломония, отправленная в монастырь из-за бездетности и, по преданию, родившая уже в монастыре сына Георгия; возвышение Годуновых относится к гораздо более позднему времени и связано с опричниной.
- ³ Бархатная книга — сборник родословий наиболее знатных боярских и дворянских фамилий России, составленный в 1687 в связи с ликвидацией местничества (1682) и после прекращения ведения Разрядных книг.
- ⁴ История Русской Православной Церкви в синодальный период.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в. // В борьбе за власть. Страницы политической истории XVIII века. М., 1988. С. 96.
2. Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994;
3. Амфитеатров В.К. Офицерский корпус в Вооруженных силах Российской империи в XVIII в. СПб., 1889. С. 46;
4. Белявский М.Т. Отодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767-1768 гг.). М., 1984;
5. Винский Г.С. Моё время. Записки. СПб., 1914.
6. Дворянские роды Российской империи. СПб., 1995-1996. Тт. 1-4.
7. Записки И.И. Неплюева (1693-1773). СПб., 1893.
8. Именные списки е.и.в. гвардии Измайловского полка чинам 1741-1759 гг. //Русский архив. 1896. Кн.4. С.1-154.
9. Кабузан В.М. Изменение в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971.
10. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М., 1990.
11. Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887. Т. 1. С. 259.
12. Манштейн Х.-Г. Записки о России //Перевороты и войны. М., 1997. с.64-65.
13. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1.
14. Россия и русский двор в первой половине XVIII в. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха. СПб., 1891 и др.
15. Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. Отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986.
16. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974.
17. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974.
18. Фаизова И.В. Указ. соч. С. 76.
19. Фаизова И.В. Указ.соч. С. 89.
20. Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII в. М., 1999. С. 108.
21. Яблочков М. История дворянского сословия в России. М., 1876. С. 336.
22. Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб, 1870. С. 372-373.
23. Якушкин В. Очерки по истории русской помещичьей политики XVIII-XIX вв. М., 1890.